

Глава 68. Маленький дурачок приручил деревенского задиру (07)

Во дворе Лин Цян несколько секунд стоял в замешательстве, затем поднял руку и указал на низкую глинобитную хибару в углу, пробормотав:

— Он в доме, наверное... уже спать лёг.

Се Янь негромко хмыкнул и, не сбавляя шага, направился прямо к хибаре.

Подойдя к двери, он нерешительно остановился, прислушиваясь. Внутри было тихо, только ветер шелестел в кронах деревьев.

Он понизил голос и осторожно спросил:

— Спишь?

— ...

В ответ — лишь глубокая, тягучая тишина.

Ночной ветер коснулся ушей, принося с собой прохладу.

Се Янь тихо вздохнул, в душе шевельнулось чувство вины — он слишком поторопился, пришёл так поздно и беспокоит. Наверное, лучше было бы прийти утром.

Он уже собрался было уходить, как вдруг уловил едва слышный стон.

Звук был настолько слабым, что почти тонул в шуме ветра, но он отчётливо долетел до его ушей — жалобный, полный боли.

Се Янь тут же остановился, обернулся и позвал снова, в голосе зазвучала едва заметная тревога:

— Маленький дурачок, ты спишь?

— ...Брат.

Из хибары донёсся смазанный, слабый ответ.

На этот раз Се Янь ни секунды не колебался. Он толкнул дверь и шагнул внутрь.

В тусклом свете было видно, как Лин Янь скорчился на лежанке, укрытый лишь тонким, лёгким одеялом. Он съёжился в маленький комочек, и выглядел это до крайности жалко.

— Что случилось? Тебе плохо? — Се Янь быстрым шагом подошёл к нему и увидел, что щёки Лин Яня покрыты нездоровым румянцем, а взгляд рассеян и затуманен.

Он протянул руку и коснулся лба —

И правда, кожа под пальцами была обжигающе горячей.

Сердце Се Яня сжалось. Он тут же нагнулся, подхватил Лин Яня на руки, развернулся и пошёл к выходу.

Лин Цян, стоявший у ворот и собиравшийся запереть их, опешил и удивлённо спросил:

— Янь-гэ, вы это... куда?

Се Янь холодно посмотрел на него, в его взгляде застыли гнев и досада. Голос его стал низким и жёстким:

— Ты правда его брат? У него такой жар, а ты даже не заметил?

Сколько он так пролежал?

Значит, он не приходил вчера, потому что заболел? И сколько же он промучился один?

По крайней мере, уже день, а то и сутки.

В душе Се Яня поднялась глухая боль, и его захлестнула волна сожалений.

Он жалел, что не пришёл к Лин Яню раньше, жалел, что затеял с ним эти игры в прятки, жалел, что позволил ему одному переносить этот жар.

Не обращая больше внимания на реакцию Лин Цяна, он крепче прижал к себе горячее тело и крупными шагами направился в сторону деревенского медпункта.

С таким жаром нужно было немедленно делать укол.

Пожилой дежурный врач в медпункте уже собирался ложиться спать, но его разбудил настойчивый стук в дверь.

Накинув халат, он поспешно открыл дверь и увидел, как Се Янь ворвался внутрь с человеком на руках.

Врач немедленно измерил температуру Лин Яня — она оказалась 39,5. Он сразу сделал ему укол жаропонижающего и поставил капельницу.

Закончив, врач вздохнул, глядя на лицо Лин Яня, который даже в бесспамятстве продолжал хмуриться, и с сочувствием произнёс:

— Бедный ребёнок. В детстве его брат толкнул в реку, и после той высокой температуры он повредился умом. А теперь, когда родителей не стало, вообще никому о нём позаботиться.

Чёрные глаза Се Яня дрогнули. Он перевёл взгляд на покрасневшее лицо Лин Яня.

Он слышал кое-что об этом маленьком дурачке, но никогда не знал, что тот стал слабоумным в результате болезни, и уж тем более — что это было связано с Лин Цяном.

Кадык его дрогнул, и голос стал хриплым:

— Они с Лин Цяном... не родные братья? И тот совсем о нём не заботится?

Врач, убирая медицинские инструменты, покачал головой:

— Родные, но единокровные. Лин Цян с детства его недолюбливал, а когда в тот раз толкнул его в воду и принесли его сюда, у него уже начался жар. Я видел, что температура не спадает, и велел родителям отвезти его в городскую больницу.

Он сделал паузу, и голос его стал глубже:

— Но по дороге Лин Цян тихонько выпрыгнул из машины и сбежал. Родителям пришлось сначала искать его. К тому времени, как они добрались до городской больницы, лучшее время для лечения было уже упущено... Эх, хороший ребёнок был, и вот так всё поломалось.

— ...

Се Янь почувствовал острую боль в груди, словно его сердце сжала чья-то невидимая рука, и дышать стало тяжело.

Он думал, что Лин Янь, в отличие от него, хотя бы может положиться на семью.

Но теперь он знал — мир Лин Яня уже давно опустел.

Врач убрал вещи, достал из шкафа несколько маленьких пирожных, продающихся в супермаркетах, и протянул их Се Яню:

— Ребёнок, наверное, весь день ничего не ел. Когда он немного очнётся, покорми его пирожными, чтобы поднять сахар.

— Хорошо. Спасибо, доктор.

— Всего три флакона капельницы. Как закончишь, просто вытащи иглу. Я пойду отдохну в соседней комнате, если что — сразу зови.

— Договорились.

«Скрип—»

Дверь с глухим звуком закрылась, и комната погрузилась в тишину, в которой остались только Се Янь и Лин Янь.

Когда первая капельница закончилась, Лин Янь наконец очнулся от беспамятства.

В его глазах немного прояснилось, ушла прежняя затуманенность.

Се Янь наклонился к нему, и голос его стал мягким и ласковым:

— Как ты себя чувствуешь? Есть хочешь?

Маленький дурачок моргнул влажными глазами, в его чайных зрачках плескалась лёгкая дымка, словно на поверхности озера.

Он послушно поднял голову и тихо пролепетал:

— Хочу.

Се Янь поднял руку и взъерошил его мягкие волосы, протянул маленькое пирожное, ласково сказав:

— Ешь.

Затем он повернулся, налил стакан тёплой воды, слегка подул на неё и только тогда подал Лин Яню.

После нескольких глотков горячей воды Се Янь снова коснулся лба Лин Яня. Ладонь

почувствовала лёгкую влажность — выступил пот, значит, жар понемногу спадал.

Уголки его губ поползли вверх, и он снова взъерошил пушистую голову, нарочито медленно спросив:

— Маленький дурачок, ты знаешь, кто я?

Лин Янь послушно сидел на стуле, поднял на него растерянное лицо, глупо посмотрел и тихо позвал:

— Брат, ты мой брат.

Се Янь тихо усмехнулся и продолжил дразнить его:

— А скажи, как меня зовут?

— ...

Маленький дурачок не смог ответить.

Он ошарашенно уставился на Се Яня, взгляд его был сонным и рассеянным, и наконец он медленно покачал головой — как маленький зверёк, не знающий, что делать.

— А тебя как зовут?

Се Янь смотрел на него с улыбкой, голос его звучал мягко, словно он успокаивал ребёнка.

Маленький дурачок откусил кусочек пирожного и, улыбнувшись Се Яню своей милой улыбкой, сказал:

— Меня зовут Янь-Янь (янь — уменьшительно-ласкательная форма от Лин Янь, прим. пер.).

— ... Янь-Янь?

Се Янь на мгновение замешкался, это имя прозвучало на его губах легко и нежно, словно само по себе.

— Ага! — Лин Янь энергично закивал, и глаза его засияли. — Так меня звали мои мама и папа.

— Хорошо, Янь-Янь. — Сердце Се Яня растаяло, он снова не удержался и взъерошил его мягкие волосы, от которых так трудно было оторваться. — Меня зовут Се Янь.

Лин Янь медленно повёл своими чайными глазами, как испуганный оленёнок, и, глядя на Се Яня, повторил по слогам:

— Се... Янь...

— Да, Се Янь.

Се Янь терпеливо кивал.

И вдруг он наклонился вперёд, сократив расстояние между ними почти до нуля. Их дыхание почти смешалось.

В тот миг, когда их взгляды встретились, Се Янь ясно увидел собственное отражение в зрачках Лин Яня. Сердце его забило быстрее, и голос сам собой стал ещё мягче:

— Янь-Янь, позволь мне, Се Яню, быть твоим братом, хорошо?

<http://bllate.org/book/18456/1898655>